

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Людовик XVI

Автор: Л. А Пименова

Пименова Людмила Александровна- кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

История знает примеры того, как тот или иной правитель, желая укрепить сложившуюся государственную систему более или менее осторожными реформами, в результате разрушал ее до основания. Людовик XVI заплатил жизнью как за неудачные эксперименты собственного правления, так и за нелегкое наследие, доставшееся ему от предшественников. Обстоятельства его смерти бросают трагический свет на всю его биографию, в начале которой, казалось бы, ничто не предвещало такого исхода.

Он стал королем в 1774 г., когда ему еще не исполнилось и 20 лет, а на гильотину взошел, не успев состариться, 38 лет от роду. О нем сложились "черная" и "розовая" легенда. Согласно первой легенде, хорошо знакомой по нашим учебникам и книгам о Французской революции XVIII в., Людовик XVI был ничтожным, малообразованным, неумным и безвольным человеком, к тому же страдавшим комплексами из-за своей мужской несостоятельности. О нем говорили, что он увлекался лишь охотой и слесарным делом, не занимаясь никаким интеллектуальным трудом.

Сторонники второй легенды изображают его добродетельным мучеником за веру и подчеркивают силу духа, который он проявил в последние дни жизни. Как писал один из его бывших министров, "французская нация не заслужила такого доброго короля" (1). В настоящее время ежегодно в день смерти Людовика XVI 21 января на площади Согласия в Париже на месте его казни собираются люди, чтобы почтить его память. Существует ассоциация, которая добивается его канонизации католической церковью.

В январе 1993 г. во Франции отмечалось двухсотлетие казни короля. Апофеозом юбилейных мероприятий стала торжественно-траурная церемония на площади Согласия. По приблизительным подсчетам в ней приняли участие около 10 тысяч человек. С 10 до 12 час. дня вся площадь была заполнена народом. Многие приходили целыми семьями, с детьми. Люди клали букеты белых королевских лилий на место, где стояла гильотина, и через час там выросла огромная гора из цветов. В церемонии участвовали не одни только монархисты. Мой французский знакомый объяснил свое присутствие в этот день на площади Согласия желанием почтить память порядочного и достойного человека, которого в школьных учебниках зря обливали грязью, изображая тираном и предателем.

стр. 62

Хорошим или плохим правителем был Людовик XVI? Ответ на этот вопрос как

правило, зависит от идейно-политических пристрастий отвечающего. Однако в литературе можно встретить противоречивые суждения и в тех случаях, когда речь заходит о самых, казалось бы, простых вещах. Так, одни мемуаристы пишут, что он был болезненно застенчивым и угрюмым, а другие, что он был веселым. Задачу биографа существенно осложняет присущая Людовику XVI скрытность характера. Он с откровенностью не раскрылся ни в беседах, записанных мемуаристами, ни в собственном дневнике. Его литературное наследие скудно и помимо переписки с министрами, прочих деловых бумаг и дневника состоит из немногочисленных маргиналий и заметок. Он почти не оставил пространных рассуждений о морали или политике, за исключением юношеских сочинений.

История предъявила ему самый суровый счет. Сейчас, когда двести лет спустя страсти улеглись, от историка не требуется выносить Людовику XVI обвинительный или оправдательный приговор. Гораздо важнее постараться понять этого человека. Вместе с тем, трагическая история его жизни ставит немало вопросов, сохраняющих значение и поныне. Каково влияние отдельно взятого человека, облеченного большой властью, на ход исторических событий? Может ли государственный деятель развязать в стране революцию или, наоборот, предотвратить ее? Жизнь Людовика XVI, если и не отвечает на подобные вопросы, то, во всяком случае, дает пищу для размышлений над ними.

Будущий французский король Людовик Август, герцог Беррийский родился 23 августа 1754г. в семье дофина Франции (сына Людовика XV) и его второй жены Марии-Жозефы Саксонской. Всего у супругов было три дочери и пятеро сыновей, из них три будущих короля Франции: Людовик Август, герцог Беррийский (Людовик XVI), Людовик Станислас Ксавье, граф Прованский (Людовик XVIII) и Карл Филипп, граф д'Артуа (Карл X). Герцог Беррийский был третьим сыном дофина, так что от рождения ему, казалось бы, не суждено было взойти на престол. Согласно строгим французским законам престолонаследия, после Людовика XV трон полагалось занять его сыну, а затем старшему внуку - Луи Жозефу Ксавье, герцогу Бургундскому.

Старший сын в семье дофина, по общему мнению, был прирожденным королем. Живой, обаятельный и вместе с тем самолюбивый и властный мальчик любил и умел быть всегда и во всем первым. Окружающие с восторгом и умилением угадывали в этом ребенке черты будущего властелина Франции. Совсем другим был третий сын дофина Людовик Август- близорукий, застенчивый, угрюмый и неуклюжий. Родители и двор не баловали его вниманием. Но всеобщий любимец скончался от туберкулеза в десятилетнем возрасте. Еще раньше в младенчестве умер второй сын дофина, герцог Аквитанский. Так наследником престола оказался "гадкий утенок". Отец Людовика Августа внезапно скончался в конце 1765 г., а мать умерла в 1767 году. После смерти отца Людовик Август стал дофином.

Наследника полагалось готовить к его будущей роли. Людовик XVI получил более систематическое и широкое образование, чем короли - его предшественники(2). Родители серьезно относились к воспитанию детей, сами составляли и корректировали планы занятий, придирчиво выбирали наставников. Пока был жив отец, он сам давал сыну уроки иностранных языков и морали, а мать занималась с мальчиком основами религии и историей. Будучи людьми традиционно набожными, они заботились о том, чтобы среди наставников не оказалось людей, зараженных критическими идеями Просвещения. Из этого не следует однако, что образование

Людовика Августа не отвечало требованиям времени. Он освоил набор наук, приличествующий просвещенному вельможе XVIII века. Его учили математике, географии, физике, астрономии, химии, геодезии и картографии, истории, древним и новым языкам. В освоении естественных наук он был вполне "с веком наравне". Было определенное противоречие между стремлениями воспитать сына в духе верности традициям, с одной стороны,

стр. 63

и познакомить его с новейшими достижениями научной и общественной мысли XVIII в., характерного как раз непочтением к традициям и авторитетам, с другой. Эти противоречивые устремления, свойственные родителям будущего короля, заслуживают внимания, так как в характере и поступках самого Людовика XVI на протяжении всей его жизни будет проявляться подобный внутренний разлад.

Не довольствуясь знаниями, полученными от наставников, он усиленно продолжал заниматься самообразованием, уделяя особое внимание иностранным языкам и истории. Впоследствии он говорил одному из своих приближенных: "По завершении моего образования я почувствовал, что оно еще далеко не полное. И я составил план изучения того, чего мне недоставало. Я хотел знать английский, итальянский и испанский языки;

и я сам их выучил. [...] Я особо остановился на истории Франции и поставил перед собой задачу выяснить ее темные места" (3). Людовик мог читать Тацита, Светония, Марка Аврелия и Сенеку по-латыни. Свободно читал и переводил с английского труды Д. Юма, Э. Гиббона и "правление Ричарда III, или исторические сомнения в преступлениях, которые ему приписываются" Р. Уолпола. (Примечателен выбор последнего сочинения. Людовик XVI рано заинтересовался, каким образом в общественном мнении складывается искаженный образ короля.)

Он обладал эмпирическим складом ума и предпочитал факты теориям. Термин "схематично" в его устах означал ошибочное, неверное. Его никак нельзя было назвать художественной натурой. Он оставался совершенно равнодушным к искусствам и изящной словесности. В его богатой библиотеке, изобиловавшей сочинениями античных авторов и трудами по науке, технике и истории, нашлось место лишь двум романам, одним из которых был "Робинзон Крузо". Последнее неслучайно. Его всегда интересовали география и путешествия.

Энциклопедическое образование по моде XVIII в. предусматривало обучение ребенка ремеслам. Он полюбил физический труд. По словам австрийского посла при французском дворе Мерси-Аржанто, ничто не могло "отвратить этого юного принца от его чрезвычайной склонности ко всевозможным строительным, столярным и тому подобным работам. Он все время что-то заново обустраивает в своих апартаментах; он сам вместе с рабочими разбирает материалы, балки, полы; он отдает целые часы этому утомительному занятию и иногда возвращается уставшим сильнее, чем подмастерье, обязанный выполнять эту работу. Я вижу, что г- жа дофина [то есть Мария Антуанетта: письмо австрийского посла написано после женитьбы Людовика]

была в конце концов крайне рассержена и опечалена таким поведением" (4).

Некоторые историки интерпретируют это увлечение Людовика XVI во фрейдистском духе - как стремление компенсировать недостаток мужской силы грубыми физическими упражнениями (5). Не следует однако забывать, что Людовик увлекся слесарным делом и прочими ремеслами не по собственной инициативе. Послушный ребенок запомнил то, чему его учили в детстве и отрочестве, и продолжал время от времени заниматься этим в зрелые годы.

В 1766 г. в двенадцатилетнем возрасте Людовик Август начинает вести дневник, на основании которого историки часто делают вывод о его бездушии, интеллектуальном и нравственном убожестве. Автор, подготовивший в конце прошлого века публикацию этого текста, отметил, что в нем много орфографических ошибок и нет ни одной мысли (6). Людовик подробно перечислял прогулки, поездки верхом, приемы, спектакли и торжественные мессы, на которых присутствовал. Особое внимание уделено охоте и перечислению охотничьих трофеев. Чаще всего на страницах дневника встречается слово "ничего", причем даже в отношении тех дней, когда происходили важные события: отставка Ж. Неккера в 1781 г., кончина верного наставника короля Ж. Ф. Морепа, смерть министра иностранных дел Ш. Вержен-на, смерть тещи, австрийской императрицы Марии Терезии, наконец, 14 июля 1789 года. Что это могло означать? Король не понимал важности

стр. 64

разворачивавшихся на его глазах событий? Смерть близких и сподвижников ничего для него не значила? У нас нет оснований для столь категорических выводов. Вынося подобные суждения о дневнике Людовика XVI, историки подразумевают, что в дневнике должен раскрываться внутренний мир личности. Но дневник Людовика XVI был по преимуществу охотничьим и, кроме того, предназначался для записи запланированных дел: встреч, приемов, обедов и спектаклей. Он велся совсем не для того, чтобы запечатлеть на память потомкам мысли и эмоции его автора. "Ничего" означало, что в этот день король не охотился и у него не было запланировано никаких официальных мероприятий. Этот дневник можно сравнить с современными еженедельниками, в которые заносятся памятки о текущих служебных делах. Вряд ли на основании этих источников будущие историки смогут составить верное представление о нашем духовном мире и о важнейших событиях нашей личной и общественной жизни.

В привычном для короля круге чтения, - в частности Ф. Фенелон, юрист Ж. Дома, историки Даниэль и Моро (последний был приглашен преподавать курс истории внукам Людовика XV)- большое внимание уделялось нравственным качествам короля. Сильное впечатление на подростка произвели сочинения Фенелона. 12-летний герцог Беррийский с большим вниманием прочел его "Приключения Телемаха". Он выписал из любимейшей книги ряд поучительных суждений и составил из них трактат под названием "Взятые из Телемаха моральные и политические максимы о науке королей и счастье народов". Он отпечатал брошюру тиражом в 25 экземпляров и вынес на суд королевской семьи. Людовик XV был чрезвычайно недоволен творчеством внука, повелел уничтожить весь тираж и

разбить типографскую доску, так что ни одного экземпляра этого сочинения не сохранилось(7). Из книг любимого писателя герцог Беррийский усвоил идею абсолютной монархии, в которой государь правит сообразно законам и традициям своей страны, уважая привилегии сословий и опираясь на их согласие и поддержку. Для будущего Людовика XVI, так же как и для Фенелона, политика была неотделима от морали.

Вопросы политики, философии и морали дофин обсуждал со своим гувернером герцогом де Лавогийоном. На основе этих разговоров и прочитанных книг он по совету матери составил своего рода политический катехизис "Размышления о беседах с г-ном де Лавогийоном". В ходе этих размышлений Людовик Август пришел к выводу, что государь должен быть набожным, справедливым, благодетельным, гуманным, по возможности избегать войн, заботиться о счастье подданных и хранить их привилегии (8). Под влиянием наставников и книг любимых авторов у будущего правителя Франции сложились идеальные, возвышенные представления о том, что король должен быть высоконравственным человеком и добрым отцом для своих подданных. Однако никто в окружении дофина не пытался объяснить ему, что править людьми- значит подчинять их своей воле. Усвоенным в юности политическим принципам он будет следовать всю жизнь. Подвергаясь давлению с разных сторон, прислушиваясь к взаимоисключающим мнениям министров, сомневаясь и уступая, он будет стремиться осуществить свой прекраснодушный идеал справедливого и законного правления.

В разностороннем образовании, которое получил будущий король, имелся серьезный изъян. Обучая юношу разнообразным наукам и ремеслам, воспитатели не сочли нужным познакомить его с собственно королевским ремеслом. Ему преподали политические теории, но не практику управления страной и людьми. Людовик XV никогда не приглашал его на заседания королевского совета. Это было большим упущением. Следовало бы учить дофина царствовать и править, так как природной склонности к этому он явно не имел. Лишь в самые последние годы жизни король начал беседовать с наследником о государственных делах и давать ему наставления.

Весной 1770 г. в личной жизни дофина и в неотделимой от нее полити-

стр. 65

ческой жизни Франции происходит важное событие: женитьба на австрийской эрцгерцогине Марии Антуанетте. Это был дипломатический акт, призванный скрепить франко-австрийский союз, заключенный в середине XVIII в., накануне Семилетней войны.

Праздник омрачила катастрофа. 30 мая в Париже устраивались фейерверки. Вслед за этим огромная толпа, собравшаяся на площади Людовика XV (ныне- площадь Согласия), хлынула на бульвары, где ожидалась балы, иллюминация и раздача бесплатной выпивки и закуски для народа. С широкой площади все устремились на улицу Руайяль, возникла давка, а навстречу двигался поток желающих попасть на площадь с бульваров. Число жертв достигло 130 человек. После этих страшных событий в Париже редко устраивались большие праздники. В следующий раз они

были организованы лишь в конце 1781- начале 1782г. по случаю рождения у Людовика XVI сына-наследника(9).

Но до его появления на свет было далеко. Брак Людовика и Марии Антуанетты оставался бездетным; на протяжении более чем восьми лет. Это беспокоило императрицу Марию Терезию. Ее опасения усугублялись ходившими при всех европейских дворах слухами о том, что Людовик и Мария Антуанетта являются супругами лишь формально. Множество внимательных и любопытных глаз следили за интимной жизнью дофина, стремясь проникнуть в тайны его опочивальни. Слуги, подкупленные испанским послом графом Арандой, разглядывали пятна на простынях и ночных рубашках. Подсматривания, подслушивания, сплетни и пересуды Продолжались и после восшествия Людовика XVI на престол.

Бездетный брак наносил ущерб образу короля в общественном мнении. Королю - символическому отцу нации - полагалось быть отцом и в прямом смысле этого слова, причем многодетным. Король, у которого нет детей- своего рода нонсенс. Мужское бессилие монарха стало темой насмешек, сатирических куплетов, карикатур и литературных пасквилей. Подобная политическая порнография дискредитировала Людовика XVI не только как мужчину, но и как правителя. Постепенно складывавшиеся у современников представления о Людовике XVI как о властителе слабом и нерешительном были изначально тесно связаны со слухами о его мужской несостоятельности. Подразумевалось, что король, который не может справиться с женщиной, неспособен и управлять страной (10). Впоследствии, в годы революции это станет излюбленной темой антимонархических памфлетов и карикатур. Порочащие короля и королеву слухи зарождались не среди критически настроенных литераторов- просветителей и тем более не в народе, а в самых высших сферах. Многие при дворе были настроены против союза с Габсбургами, и австрийская принцесса стала мишенью враждебных настроений.

По распространенной, хотя и не подтвержденной версии, король избегал интимной жизни из-за фимоза и нуждался в легкой хирургической операции, которая устранила бы болезненные ощущения (11). Непорядок в семейных делах французской августейшей четы и та угроза, которая вследствие этого таилась для франко-австрийского дипломатического союза, побудила Иосифа II весной 1777 г. прибыть по Францию инкогнито под именем графа Фалькенштейна. Современники полагали, что император явился с целью уговорить нерешительного шурина согласиться на хирургическое вмешательство. Имеющиеся в нашем распоряжении противоречивые свидетельства не позволяют судить о том, была ли королю сделана операция или же оказалось достаточно благотворного психологического воздействия со стороны Иосифа II. Известен результат. В конце декабря 1777г. Людовик XVI в личном письме со свойственной ему деликатностью благодарил императора: "Я уверен, что сделал все, что надо, и надеюсь, что наступающий год не замедлит подарить вам племянника или племянницу. Этим счастьем мы обязаны только вам, так как после вашего визита все шло лучше и лучше вплоть до полного свершения. Посвящая вас в эти детали, я всецело полагаюсь на вашу дружбу" (12). Весной 1778 г. стало известно, что королева забеременела. В конце года она родила дочь Марию Терезу, а осенью 1781 г.- долгожданного дофина. В 1785г.

в королевской семье появился второй сын, получивший титул герцога Нормадского, а в 1786 г. дочь София, умершая во младенчестве.

Король искренне радовался отцовству. Страницы дневника, посвященные родам королевы, - единственные, где он изменяет своему обычному телеграфному стилю и не скупится на длинное и подробное описание происходящего. Сдержанный и замкнутый Людовик плакал от счастья, когда у него родился сын. По словам современника, "с этого времени король пребывает в великой радости; он занят лишь новорожденным и повторяет по двадцать раз кряду: "Господин Дофин". Словом, он наслаждается своим счастьем со всей чувствительностью лучшего из отцов" (13).

Но рождение детей не смогло положить конец порочащим слухам. В них по-прежнему смаковалась тема бессилия короля и распутства королевы. Кому только ни приписывали отцовство королевских детей: графу д'Артуа, Куаньи, кардиналу Рогану, Ферзену. Некоторые историки предполагают, что первые памфлеты, порочащие Марию Антуанетту, были инспирированы братом короля графом Прованским (14). Появление у королевской четы сына-наследника лишило его надежды занять престол. Постепенно оскорбительные для короля и королевы сплетни и пасквили выходили за пределы узкого придворного мирка и распространялись все шире.

В мае 1774 г. девятнадцатилетний дофин Людовик Август стал королем Франции Людовиком XVI. Ему досталось трудное наследство. В последние годы правления его деда авторитет королевской власти упал, министры не пользовались популярностью, их обвиняли в деспотизме, правительство не было стабильным вследствие соперничества придворных и министерских группировок.

Восшествие на престол Людовика XVI было встречено с энтузиазмом. Многие считали, что при новом короле все пойдет лучше, чем прежде:

он наведет порядок в финансах, поднимет престиж Франции в мире, будет заботиться о стране и ее народе, а не о собственных удовольствиях. На следующий день после того, как Людовик XVI стал королем, парижский книготорговец С. П. Арди записал в дневнике: "Все говорят о том, что можно возлагать лишь самые сладостные надежды на правление молодого монарха, который, кажется, имеет наилучшие намерения и собирается принять самые надежные меры, чтобы исправить все зло, порожденное мягкостью и снисходительностью в правление его предшественника; уверяют, что он хочет именоваться "Людовиком суровым"; остается лишь уповать на то, чтобы его суровость всегда руководствовалась справедливостью" (15).

Молодой монарх снискал восторженные отзывы Вольтера, который сравнивал короля с Солоном и Марком Аврелием и предрекал Франции наступление "прекрасного века Людовика XVI". В одном письме прославленный философ уподобил себя Симеону Богоприимцу, дождавшемуся на старости лет прихода в мир Спасителя. Самое благоприятное впечатление на Вольтера произвело то, что в июне 1774 г. король привил себе оспу. В то время это расценивалось как проявление передовых взглядов (16). С новым королем в обществе связывались явно

завышенные ожидания. Охваченные восторгом подданные приветствовали не настоящего Людовика XVI, которого они совсем не знали, а воображаемого идеального монарха. Впоследствии они не простили реальному человеку, что он обманул их надежды.

Людовик XVI не был морально готов нести обрушившееся на его плечи бремя ответственности за страну и народ. По словам одного будущего министра, "в тот момент, наверное, юный король был самым смущенным человеком в своем королевстве" (17). Первым делом он начал искать мудрого советника. После раздумий и колебаний выбор пал на семидесятитрехлетнего графа Морепа, в прошлом видного государственного мужа, двадцать пять лет назад попавшего в немилость и отставленного от дел. Широко известна записка, адресованная ему королем: "Сударь, несмотря на глубокую скорбь, разделяемую мной со всем королевством, мне надо исполнять свой долг. Я король: одно это слово налагает множество обязанностей, но мне всего двадцать лет. Мне кажется, я еще не приобрел всех необходимых

стр. 67

знаний. [...] Я много слышал о вашей порядочности и репутации, столь справедливо заслуженной глубокими познаниями в делах. Это заставляет меня просить вас помогать мне советами" (18). С тех пор вплоть до самой своей смерти в ноябре 1781 г. этот человек твердых консервативных принципов играл при Людовике XVI важную, хотя и странную роль королевского наставника. Его называли не иначе как Ментором. Король не принимал ни одного решения, не посоветовавшись с ним. Вместе с тем, он не был всемогущим первым министром, как Ришелье или Мазарини. Король не дал ему никакого официального статуса. Его положение оставалось таким же неопределенным, как и текст приведенной выше записки:

он именно "помогал королю советами". Король дал ему лишь одно, хотя и важное преимущество перед остальными приближенными. Морепа легче, чем кому-либо другому, было получить доступ к королю, так как его апартаменты в Версальском дворце располагались непосредственно над королевскими покоями и соединялись с ними лестницей. Обычно Морепа спускался к королю и присутствовал при его работе с министрами, а иногда король с министром поднимались в апартаменты Морепа для решения государственных дел.

Отсутствие первого министра и неопределенное положение Морепа поощряло политические претензии королевы и ее окружения. Мерси-Аржанто неустанно заботился об усилении влияния Марии Антуанетты, представлявшей в Версале интересы австрийского дома. По инициативе посла был сооружен переход, связавший покои короля и королевы в версальском дворце. Мерси-Аржанто надеялся таким образом нейтрализовать влияние Морепа (19). Историки часто преувеличивают уступчивость Людовика XVI и возможности Марии Антуанетты вмешиваться в управление государственными делами. Следует, однако, иметь в виду, что в разные годы эти возможности были неодинаковы. До 1789 г. королеве крайне редко удавались попытки повлиять на мужа в решении политических вопросов. По

свидетельству близкого к придворным кругам современника, король вообще не считал нужным посвящать ее в свои дела и, если она досаждала ему вопросами о политике, начинал расспрашивать ее о модах, спектаклях и музыке маэстро Глюка, давая таким образом понять, кому чем следует интересоваться (20). Однажды в письме брату, императору Иосифу II Мария Антуанетта призналась: "Я не заблуждаюсь относительно своего авторитета; я знаю, что не имею большого влияния на короля, особенно в том, что касается политики [...] Я не хвастаюсь и не лгу, позволяя публике верить в то, что мое влияние на короля больше, чем на самом деле, так как если бы в это никто не верил, то оно было бы еще меньше" (21). Мерси-Аржанто не раз жаловался Иосифу II на то, что король прислушивается к советам своих министров, а не королевы, что он обещает ей проводить внешнюю политику, дружественную императору, а потом принимает совсем другие решения. По словам посла, "королева глубоко огорчена тем, что ее хлопоты и истинное усердие не оказывают воздействия" (22).

Убеждения самого Людовика XVI не отличались последовательностью. С одной стороны, он свято чтит традиции и основополагающие принципы французской монархии. С другой,- признавал необходимым проводить реформы и считаться с общественным мнением. Это противоречивое желание править по-новому, но соблюдая традиции, отразилось на всем поведении Людовика XVI как государственного деятеля.

Его царствование началось со слова "реформы". Современники говорили, что сразу после восшествия на престол у короля состоялась беседа с генерал-лейтенантом парижской полиции А. Г. де Сартинем, и молодой монарх будто бы заявил: "Возьмите на себя, сударь, труд улучшить нравы в столице, а я позабочусь о том, чтобы изменить нравы при дворе" (23). Благочестивый Людовик XVI желал покончить с распущенностью, царившей при дворе его деда. Но он не собирался прибегать к наказаниям, всецело уповая на силу личного примера. Он ежедневно бывал на мессе вместе со всей королевской семьей, регулярно исповедовался и причащался. В жизни он являл собой образец примерного христианина и добропорядоч-

стр. 68

ного отца семейства. Король хотел привести в порядок расстроенные финансы и ликвидировать государственный долг. В этом он также подавал личный пример, сокращая свои расходы. Ему, по натуре педантичному и бережливому, такое самоограничение давалось гораздо легче, чем его супруге, обожавшей наряды и драгоценности.

За вступлением короля на престол должна была следовать церемония помазания на царство в кафедральном соборе Реймса. При обсуждении этого вопроса отчетливо проявилась приверженность Людовика XVI традициям французской монархии. Назначенный им на пост генерального контролера финансов известный экономист-физиократ А. Р. Тюрго уговаривал короля отказаться от коронации или перенести ее из Реймса в Париж, чтобы сэкономить на дорожных расходах. Рационалисту и скептику Тюрго церемония помазания казалась ненужным и дорогостоящим

спектаклем.

Король готов был поддержать какие угодно реформы Тюрго, но только не эту. Мы не знаем, насколько он сам в то время постигал глубокий религиозный смысл древнего обряда помазания на царство, но исполнил он его неукоснительно (24). Во время коронации, по словам очевидца, он "выглядел, как обычно, добрым, но утомленным церемонией, и всему этому недоставало величия, которое было присуще Людовику XVI". В знойный июньский день после коронации он совершил далеко не безопасный с точки зрения обывательского здравого смысла обряд исцеления двух с половиной тысяч золотушных больных, собравшихся в Реймсе в надежде на помощь короля-чудотворца. Впрочем, он сотворил это чудо в первый и последний раз в своей жизни, что наводит на размышления о том, воспринимал ли он сам себя как помазанника и чудотворца и не были ли для него эти обряды, в первую очередь, данью традиции.

Современники в один голос твердили, что король совершенно не похож на своего предка - Людовика XIV. Внешность, осанка и манеры Людовика XVI не отличались королевским величием и достоинством. Он нескладно говорил, при ходьбе раскачивался и размахивал руками. Став королем Франции, он с большим трудом преодолевал свою природную робость и медленно привыкал находиться в центре всеобщего внимания. Репрезентативная жизнь в окружении двора была ему в тягость и противоречила личным вкусам и привычкам. Его, подобно Луи Филиппу Орлеанскому, можно было бы назвать "королем-буржуа". Людовик XVI по возможности сокращал казавшиеся ему слишком длинными публичные церемонии. Блеску двора король предпочитал одиночество в тиши кабинета или общество близких людей, с которыми он мог вести себя свободно и раскованно. При нем вошли в обычай ужины в узком кругу, часто проходившие у сестры короля Елизаветы. На них упраздился этикет, слуг отпускали, и все сами распорядились за столом, как хотели. Людовик XVI явно стремился защитить свою частную жизнь от посторонних глаз. Можно только догадываться о том, какую боль причиняло этому ранимому и скрытному человеку нескромное внимание окружающих к его интимным проблемам.

На нелюбимых им официальных придворных торжествах он не раз допускал какую-нибудь неловкость. Людовик XVI не заботился о том, чтобы его появление на публике было должным образом обставлено. Он мог неожиданно войти в переполненный зал без свиты, так что присутствующие не замечали короля и толкали его. Как-то раз на большом придворном балу он затерялся в толпе, а затем, не найдя своего кресла, примостился на краешке табурета у одной дамы. Такое поведение короля вызвало пересуды в свете и заслужило гневную отповедь Морепана. "Когда вы в кругу своих, уместно обходиться со всеми непринужденно и на равных. [...] Но на публике вы их и наш король, и перед лицом восьмисот зрителей не следует забывать о королевском достоинстве. [...] Мы не привыкли видеть, чтобы в общественных местах так обходились с нашим государем" - внушал Ментор своему питомцу.

Скоро в восторженных поначалу оценках современников начинают проскальзывать нотки разочарования в молодом короле. Отношение к королю в разных слоях общества не было одинаковым. Если в мнении

народном он остался добрым и справедливым, то в своем окружении многие были к нему безжалостны. Так, знакомый с министрами наблюдательный аббат Вери в дневнике, отдавая дань присущим королю прямодушию и "общему искреннему желанию делать добро", отмечает с сожалением его нерешительность, слабый характер и посредственные способности. По словам Вери, Людовик XVI оказался совсем не таким правителем, каким его представляли себе подданные: "Его считали слишком суровым и даже жестким и упрямым. Ничего такого не проявилось в его действиях как суверена. Его считали врагом труда, страстно преданным охоте. Охота его занимает мало, а кабинет занимает, может быть, даже чересчур. Его считали врагом роскоши, решившимся на самую строгую экономию. Возможно, его душа никогда не склонится к роскоши, но сомнительно, чтобы у него хватило сил решиться на сокращения, необходимые для наведения порядка в финансах. Наконец, вместо жесткости и упрямства мы во многих случаях видим, что он уступает последнему, кто с ним говорил" (25). Все кому не лень обвиняли Людовика XVI в слабохарактерности. Эти обвинения справедливы, но невозможно объяснить все просчеты и непоследовательность его политического курса лишь недостатком твердой воли. Когда король был уверен в своей правоте, он умел настоять на своем. К сожалению, он редко достигал такой уверенности, всю жизнь разрываясь между Сциллой твердого консерватизма и Харибдой передового реформаторства.

Людовик XVI был неглуп и трудолюбив, обладал хорошей памятью, но из-за застенчивости и неловкости многие его недооценивали. При разговоре он предпочитал молча слушать собеседника. Другой, наделенный подобным качеством, мог бы заслужить репутацию мудреца, но король Франции, не умеющий общаться с людьми и начисто лишенный харизмы, казался тупицей. Каково же было изумление собеседников, когда этот увалень, задетый чем-то за живое, вдруг преодолевал робость и начинал отстаивать свои принципы. Так произошло во время его встреч с Иосифом II. Блистательный и уверенный в себе просвещенный монарх-реформатор не замедлил обрушить на голову деверя шквал критики за то, что он не провел во Франции глубоких и радикальных преобразований. Король в ответ лишь молча улыбался до тех пор, пока император не дошел до заявлений, носивших антиклерикальный характер. В своих владениях Иосиф II закрыл многие монастыри, провел секуляризацию церковных земель и подчинил церковь и школы государству. По-видимому, он советовал Людовику сделать нечто подобное и во Франции. По словам присутствовавшей при разговоре Марии Антуанетты, "король опроверг его аргументы один за другим с удивившими всех нас четкостью, твердостью и хладнокровием... У каждой страны свои обычаи и нужды,- сказал Людовик.- Может быть, мой дорогой шурина, ваша система применима в других государствах, хотя я и сомневаюсь в этом; но мы во Франции, и мне кажется, что в этой стране заимствование иностранного порядка управления не будет иметь успеха" (26). Мария Антуанетта не могла не признать, что в этом споре победу одержал Людовик XVI, после чего император стал относиться к нему с гораздо большим уважением.

Людовик XVI уделял большое внимание внешней политике и хорошо в ней разбирался. Он лично читал приходившую из-за границы дипломатическую корреспонденцию и только затем передавал ее государственному секретарю по иностранным делам Ш. Г. Верженну. Бегло читая по-английски, король ежедневно

просматривал британскую прессу и публикации дебатов в английском парламенте и, таким образом, внимательно следил за тем, что происходило в стане главного соперника Франции на международной арене.

Граф де Верженн оказался редким министром, сумевшим на протяжении долгих лет сохранить доверие и расположение короля. Он стабильно возглавлял государственный секретариат иностранных дел с 1774г. до самой своей смерти в 1787 году. В целом вполне успешная внешняя политика Людовика XVI явилась результатом совместных усилий этих двух, хотя и не блестящих, но умных и здравомыслящих людей. Они регулярно

стр. 70

встречались или обменивались деловыми письмами. Верженн готовил черновики писем, адресованных иностранным монархам, а король их правил. Они вместе решали, когда созвать заседание королевского совета по внешнеполитическим вопросам и что вынести на его обсуждение. Людовик относился к Верженну как к коллеге, держался с ним просто и доверительно. Обычно такой немногословный и зажатый, с этим министром он чувствовал себя свободным и раскованным, шутил по адресу иностранных монархов и дипломатов, Екатерину II именовал "мадам Потемкиной" (27). В письме Верженну он мог откровенно пожаловаться на плохое самочувствие и переутомление. Вообще же в его корреспонденции крайне редко проскальзывали подобного рода искренние нотки.

Внешнеполитические принципы, которых придерживался Людовик XVI, были просты и в основном соответствовали учению его любимого Фенелона. Тот считал, что монархи получают от Бога власть не для борьбы за мировое господство, а для того, чтобы обеспечить спокойствие и благополучие своих подданных. С этой целью они должны вступать между собой в союзы и соблюдать заключенные договоры. Идеи Фенелона вполне соответствовали духу и букве той клятвы, которую приносил король Франции своему народу в ходе коронации. В тексте этой клятвы на первом месте стояло обещание хранить мир. Людовик XVI и по натуре своей был человеком миролюбивым, он стремился как внутри страны, так и за ее пределами не применять силу, если можно было этого избежать. Свое внешнеполитическое кредо он изложил в инструкции, составленной для Верженна в самом начале их совместной работы. По словам короля, их лозунгами в международных делах должны стать честность и сдержанность: он имел в виду честность в соблюдении заключенных договоров и сдержанность в стремлении захватывать земли (28).

Провозглашенное им в самом начале правления намерение "изменить и улучшить нравы" касалось и внешней политики. Людовик XVI осуждал агрессивные действия: захват Силезии Фридрихом II, совершенный Австрией, Пруссией и Россией первый раздел Речи Посполитой в 1772г., - как несовместимые с нормами морали. Последнее из упомянутых событий он считал постыдной сделкой, не способной разрешить противоречия между тремя великими державами, и однажды в письме Верженну отозвался о нем так: "Я совершенно не верю в новое соглашение между партнерами по разделу; я скорее полагаю, что они с подозрением следят друг за другом" (29). По его мнению, величие Франции в ряду других государств должно было проявляться

не в территориальных захватах, а в ее роли посредника и арбитра в международных делах. К успехам дипломатии Людовика XVI можно отнести посредничество Франции в отношениях между Австрией и Пруссией, между Россией и Турцией. При нем были заключены торговые договоры Франции со Швецией (1784), Испанией (1786), Великобританией (1787) и, в январе 1787 г., с Россией.

Впрочем, и этот тишайший король не удержался от громкой военной кампании. В годы его правления Франция поддержала восставшие британские колонии в Северной Америке в их борьбе за независимость. В середине века, в ходе Семилетней войны англичане нанесли французам несколько ощутимых военных поражений и отобрали у них почти все колонии. Французский монарх не мог отказать себе в удовольствии отомстить заклятому врагу и смыть позор Парижского мира 1763 года. Он был с самого начала хорошо информирован о помощи деньгами, продовольствием и оружием, которую оказывал колонистам П. О. Бомарше. Король не просто разрешал посылать в Америку оружие и волонтеров, но и, как явствует из его переписки с Верженном, лично руководил этим. Людовик XVI по собственной инициативе уполномочил Бомарше вести переговоры с колонистами (30). В 1777 г. последовало официальное признание независимости Соединенных Штатов и вступление в войну на их стороне. Не случайно впоследствии, в 1792 г. во время суда над Людовиком XVI видный американский политический деятель Т. Пейн уговаривал депутатов конвента сохранить жизнь бывшему королю, заявляя, что Соединенные Штаты Америки готовы пре-

стр. 71

доставить ему убежище(31). Двести лет спустя, в январе 1993г., когда во Франции отмечалось двухсотлетие казни Людовика XVI, посол США принял участие в траурных мероприятиях и таким образом от имени американского народа отдал дань памяти королю.

Во время войны важную дипломатическую поддержку Франции оказала Россия. В то время как англичане под предлогом борьбы с контрабандой оружия захватывали корабли нейтральных стран, забирали грузы и не давали им заходить во французские порты, Верженн заявил, что Франция признает право на свободу мореплавания для судов нейтральных стран. В этих условиях с целью защиты свободы мореплавания Екатерина II учредила "Лигу вооруженного нейтралитета", в составе которой под главенством России объединились многие европейские государства. Лига имела явную антибританскую направленность, и ее создание привело к международной изоляции Великобритании.

Результаты войны для Франции были неоднозначны. Победы французского флота и экспедиционного корпуса в Новом Свете и Версальский мир 1783 г. явились моральным реваншем за унижения, понесенные во время Семилетней войны. Престиж державы, подорванный в результате внешнеполитических неудач Людовика XV, был восстановлен. Но победоносная война не принесла Франции существенных материальных выгод и территориальных приобретений (в этом смысле ее результаты можно было бы рассматривать как реализацию провозглашенного королем принципа сдержанности) и легла тяжким бременем на государственную казну. Кроме того,

участие христианнейшего короля Франции в этой войне выглядело двусмысленным, так как он выступил на стороне бунтовщиков, восставших против своего венценосного правителя и установивших у себя республиканский строй. Своим участием в войне Людовик XVI как бы одобрял и узаконивал подобный образ действий. Такова была ирония судьбы французского венценосца.

По окончании войны король был на вершине славы и процветания. Наступили короткие безоблачные годы его жизни. Истинный дитя своего времени, Людовик XVI предавался мечтам о далеких странствиях, открытиях, исследовании океанских просторов и новых континентов. География, изучение и составление карт, описания морских путешествий увлекали его с детства. Его героем был капитан Дж. Кук. Во время войны с англичанами король приказал французским военным морякам оказать самый теплый и дружеский прием английскому путешественнику в случае, если им доведется повстречать его корабли. Получив известие о гибели мореплавателя, Людовик задумался о снаряжении экспедиции, которая продолжила бы начатое Куком изучение Тихоокеанского побережья Северной Америки. Так родился замысел экспедиции Ж. Ф. Лаперуза, в подготовке которой король принимал непосредственное участие. Он лично составил инструкции для Лаперуза. В них король повелевал мореплавателю гуманно относиться ко всем народам и племенам, которые повстречаются на его пути, и оказывать им посильную помощь. Монарх рекомендовал французским путешественникам обучать туземцев передовым европейским приемам земледелия и знакомить их с известными в Европе сельскохозяйственными культурами. Он призывал Лаперуза воздерживаться от применения силы в отношениях с местным населением и пускать в ход оружие лишь в самом крайнем случае, только когда возникнет угроза для жизни французских моряков. "Его величество почтет за счастливейший успех экспедиции, если по окончании своем она не будет стоить жизни ни одному человеку", - писал король в заключение (32). Этому стремлению избегать насилия и щадить жизнь своих подданных он останется верен до конца, даже в разгар революции.

Не прошли мимо внимания короля и попытки покорить воздушную стихию. Его заинтересовал эксперимент братьев Монгольфье с воздушным шаром. Король присутствовал при запуске шара, изучил его устройство и обсуждал с учеными, как можно использовать это изобретение на практике.

стр. 72

В конце июня - начале июля 1786 г. Людовик XVI впервые совершил поездку по стране. Он отправился в Нормандию, в Шербур на строительство военного порта. По прибытии короля начались маневры. Сильное впечатление на офицеров произвело то, что "король прекрасно осведомлен обо всем, касающемся флота, и ему известно многое о строительстве, оснащении и маневрах кораблей. Он знает даже слова этого варварского языка и говорит на нем, как заправский моряк". Монарх получал явное удовольствие от происходящего. В Шербуре он больше времени проводил на море, чем на суше. Однажды в ходе маневров он заметил, что судно "Патриот", на борту которого он находился, ни разу не выстрелило. Командир эскадры почтительно объяснил государю, что этикет запрещает участвовать в разыгрываемом сражении тому кораблю, который почтило своим присутствием его величество. Всецело

поглощенный действием, король тут же отменил этот запрет, чтобы своими глазами увидеть, как ядра будут отскакивать рикошетом от морской глади. На обратном пути Людовик XVI, несмотря на протесты свиты, решился пересечь на борту корвета широкое устье Сены между Гавром и Онфлером. Море в тот день было бурным. Экипаж состоял в основном из офицеров торгового флота, которые действовали не совсем удачно. Командир корвета не сдержался и позволил себе несколько крепких выражений. Вдруг морской волк опомнился, что находится в присутствии короля, и в ужасе стал просить прощения у его величества. Тот со смехом ответил: "Ничего, это ваш язык: я бы сказал то же самое, будь я на вашем месте".

стр. 73

Король был в восторге от поездки. Он говорил, что день коронации и день приезда в Шербур были самыми прекрасными в его жизни. Провинция встретила его колокольным звоном, приветственными криками "Да здравствует король!" и рукоплесканиями. А расстроженный монарх отвечал им: "Да здравствует мой народ!" (33). По окончании путешествия он говорил приближенным, что впредь намерен часто ездить по стране и встречаться с народом. Однако в следующий раз Людовик XVI окажется в провинции лишь пять лет спустя, в июне 1791 г., когда попытается бежать из охваченного революцией Парижа и будет арестован в местечке Варенн.

Свое правление Людовик XVI начал с двух поступков исключительной важности, знаменовавших разрыв с политикой деда и желание править по-новому, в духе "просвещенного" века. 24 августа 1774г. он отправил в отставку двух самых непопулярных министров покойного короля: генерального контролера финансов аббата Террэ и канцлера Мопу. "Варфоло-меевская ночь министров" вызвала всеобщий восторг. Радостные парижане устроили гуляние на улицах, сопровождавшееся взрывами петард, сожжением чучел Мопу и Террэ и криками: "Да здравствует король, королева и королевская семья! Да здравствует король, который прогнал этих негодяев канцлера и генерального контролера!" В начале сентября король с королевой "были встречены в Версале самыми бурными возгласами и аплодисментами собравшейся несметной толпы народа, которая ждала их на улицах больше трех часов. Говорили, что король и королева были чувствительно тронуты таким приемом народа (34). Уволив старых министров, король, как тогда говорили, призвал энциклопедистов в правительство:

Тюрго стал генеральным контролером финансов, а бывший генеральный цензор и покровитель энциклопедистов К.-Г. Мальзерб - государственным секретарем королевского дома. Когда внимание короля обратили на то, что его новый министр Тюрго писал статьи в "Энциклопедию" Дидро, не ходит в церковь и не может считаться вполне благонадежным, Людовик ответил:

"Он честный человек, и мне этого достаточно". "Так не может говорить ханжа, которым управляют попы. В этих словах заявляет о себе справедливый и твердый дух",- прокомментировал ответ короля Вольтер (35).

Если новые назначения, казалось, возвещали эру либеральных реформ, то следующий решительный шаг молодого короля, напротив, означал возврат к тому

образу правления, с которым пытался покончить Людовик XV. Осенью 1774г. Людовик XVI отменил парламентскую реформу Мопу (36). К этому его усиленно склонял Морепа, для которого парламенты в их традиционном виде являлись неотъемлемой частью политической системы французской монархии. На короля повлияли и настроения, господствовавшие в обществе. Магистратов прежнего парламента окружал ореол невинных жертв произвола. Велик был соблазн начать царствование крупной политической акцией, которая обеспечила бы молодому королю популярность и репутацию справедливого правителя.

Общество в основном приветствовало возвращение парламентов. В Париже эта весть была встречена ликованием и народными гуляниями. Впрочем, некоторые расценивали отмену реформы Мопу как неоправданную уступку. По словам одного мемуариста, "умный Людовик XVI, не полагаясь на собственное благоразумие, идет на поводу у развращенного общественного мнения; он возвращает старые парламенты и покрывает позором те, что пришли им на смену. Это доказывает нации, что сопротивляться власти выгоднее, нежели подчиняться ей" (37).

Многие историки склоняются к мысли, что, желая в самом начале царствования заручиться поддержкой общественного мнения, король свил гнездо оппозиции всем будущим попыткам реформ. В конечном счете именно парламентская оппозиция в 1787-1788 гг. послужила прологом революции. Следует однако заметить, что парламентская оппозиция сыграла свою роковую роль тогда, когда кризис в стране уже был налицо, а король и министры пребывали в растерянности, не зная, что предпринять. Пока король и министры действовали уверенно и решительно, парламенты оказывались бессильными. В первые десять лет правления Людовика XVI

стр. 74

в парижском парламенте существовала влиятельная "министерская партия", обеспечивавшая королю лояльность в обмен на высочайшее покровительство. Реформы, предпринимавшиеся в эти годы, не удались не в результате противодействия парламентов, а из-за придворных интриг, несогласия среди самих министров и отсутствия твердой поддержки со стороны короля.

Людовик XVI плохо владел искусством назначать нужных людей на государственные посты и управлять ими. В деловых бумагах он разбирался гораздо лучше, чем в людях. Ему не удалось найти верного человека, подобного Верженну, на пост генерального контролера финансов. О том, какое значение он придавал этому ведомству, говорит текст одного из королевских указов, содержащий красноречивые слова: "Благополучие народов зависит преимущественно от хорошего управления финансами" (38). Однако отношения короля с генеральными контролерами складывались непросто. За 15 лет с 1774 по 1789 г. на этом посту сменились 12 человек, причем некоторые занимали его лишь по несколько месяцев. В результате финансовая политика была непоследовательной. Неоднократно предпринимались важные реформы, но не доводились до конца.

Неуживчивый Тюрго нажил себе немало врагов в правительстве и при дворе, в том

числе в лице королевы и Морепа. Несмотря на недовольство своего окружения, Людовик XVI стоял на стороне Тюрго до тех пор, пока сам был уверен в его правоте. Нововведения генерального контролера не проходили гладко. Отмена государственного регламентирования хлебной торговли привела к росту цен на хлеб. В результате весной 1775 г. вспыхнуло народное восстание, известное под именем "мучной войны". В этот драматический момент, когда на Тюрго обрушился шквал критики, король решительно поддержал министра в его начинаниях. Позже он помог Тюрго сломить сопротивление парижского парламента и заставил зарегистрировать разработанные генеральным контролером указы об упразднении цехов, об отмене натуральной повинности на строительстве дорог и замене ее денежным налогом. Но реформатор на этом не остановился и выступил с предложением преобразовать управление страной на выборных началах. С таким планом король уже не мог смириться. У него появились опасения, что реформы Тюрго угрожают основам французской монархии. Людовик начал более внимательно прислушиваться к обвинениям в адрес министра-реформатора, и вскоре Тюрго пришлось оставить свой пост. Просвещенное общественное мнение было разочаровано.

В 1776 г. король поставил во главе финансового ведомства женева банка Жака Неккера, пользовавшегося в обществе репутацией знающего и опытного человека. Это назначение характеризует Людовика XVI как правителя терпимого и обладающего широтой взглядов. Король вверил финансы страны в руки иностранца и протестанта. Стоит вспомнить, что в то время католицизм являлся во Франции государственной религией, отправление протестантского культа запрещалось законом, а желающему получить любую должность требовалось подтвердить свою принадлежность к "католической, апостольской и римской церкви". В 1719 г. шотландец Джон Лоу вынужден был обратиться в католическую веру, чтобы занять пост генерального контролера финансов. Людовик XVI был человеком, безусловно, набожным и благочестивым, но он не был фанатиком и ханжой. Назначение Неккера - лишь один тому пример. При нем вообще прекратились преследования на религиозной почве, а в 1787 г. согласно королевскому указу протестанты наконец обрели гражданский статус.

Неккер пытался серьезно преобразовать управление финансами и вынашивал замыслы реформ провинциальной администрации (39). Но его планам воспротивились Морепа и Верженн. Им удалось убедить Людовика XVI в том, что директор финансов замышляет сомнительные новшества, угрожающие столь дорогим сердцу короля основам абсолютной монархии. Дело вновь кончилось отставкой министра и сворачиванием реформ. Общественное мнение выражало недовольство, а финансисты начали отказывать правительству в займах.

стр. 75

Осенью 1781 г. умер старик Морепа. О нем мало сожалели в обществе, но его горько оплакивал король. Рано потерявший родителей Людовик XVI испытывал к почтенному старцу почти сыновнюю привязанность. В лице Морепа он потерял наставника и руководителя в политических делах. Впрочем, королю в то время исполнилось 27 лет, он уже приобрел опыт управления государством и мог бы обойтись без Ментора. Преемника ему Людовик не назначил. На следующий день

после смерти Морепа он созвал совет и, по словам одного из министров, говорил больше, чем обычно, как будто убеждая самого себя в том, что теперь наконец-то он начнет править (40).

После смерти Морепа в правительстве сложились две соперничающие фракции. Их называли "партией короля" и "партией королевы" (41). В первую входили дворяне "мантии", такие как, Верженн и генеральный контролер финансов Ш. А. де Калонн. Они были наиболее последовательными защитниками абсолютной монархии в ее традиционном виде. Им противостояла "партия королевы", выражавшая политические амбиции высшей аристократии. Наиболее видными представителями этой "партии" были военный министр Ф. А. де Сегюр, морской министр Ш. Э. Г. де Кастри и министр королевского дома Л. Ш. О. де Бретей. Соперничество двух министерских фракций порождало нестабильность в действиях правительства, покончить с которой оказалось не под силу ни королю, ни Верженну.

Нестабильность правительства осложняла его отношения с парламентами. Отсутствие согласия в кабинете министров привело к развалу "министерской партии" в парламенте. Вследствие этого сложнее стало добиваться регистрации королевских указов парламентом. Одновременно в стране назревал финансовый кризис. В течение ряда лет правительство преодолевало свои трудности с помощью займов, заключававшихся на невыгодных условиях. В результате рос государственный долг. Один генеральный контролер сменял другого, а состояние финансов неуклонно ухудшалось.

В 1786г. для выхода из кризиса генеральный контролер финансов Калонн предложил целый комплекс мер, включавший налогообложение привилегированных сословий. Размах планов Калонна поначалу напугал Людовика XVI, но вскоре министрам удалось убедить его, что иного выхода нет и реформы неизбежны. Однако эти планы вызвали бурю протестов, и парламенты отказались их зарегистрировать. В 1787-1788 гг. последовала цепь драматических политических событий, наглядно показавших, что абсолютная монархия утратила доверие и поддержку самых разных слоев общества. И аристократия, и парламенты, и финансисты, и даже сами королевские чиновники разуверились в способности Людовика XVI осуществить необходимые реформы и править самостоятельно, без контроля со стороны выборного органа, представляющего нацию. В 1788 г. король, уступая всеобщему требованию, созвал Генеральные штаты; они собрались 5 мая 1789 года.

В разгар предреволюционного кризиса, в феврале 1787 г. умер Верженн. Король потерял в его лице опытного и компетентного помощника. Говорили, что, узнав о смерти министра, он заплакал и сказал: "Я теряю единственного друга, на которого мог рассчитывать, единственного министра, который никогда меня не обманывал" (42). Впоследствии он не раз вспоминал покойного Верженна, прибавляя, что если бы тот был жив, то наверняка помог бы найти какой-то выход. После смерти Верженна король почувствовал себя одиноким. Именно с этого времени становится особенно заметным влияние Марии Антуанетты на короля.

Весной-летом 1789 г. король бездействовал. Найти общий язык с депутатами, завоевать у них поддержку и возглавить работу Генеральных штатов он не смог, да и не пытался. Происходящее оставляло его безучастным. Его равнодушие к событиям, в ходе которых решалась судьба монархии, отчасти можно объяснить тем, что в

начале июня скончался его семилетний старший сын. Убитый горем король проводил целые дни у постели умирающего дофина. Он надолго замкнулся в скорбном одиночестве, не в состоянии никого принимать и заниматься государственными делами.

стр. 76

Тем временем третье сословие требовало признания своих политических прав. Председатель третьего сословия в Генеральных штатах, будущий мэр Парижа Ж. С. Байи настойчиво добивался аудиенции у короля, чтобы вручить ему свою петицию. Тот в конце концов уступил напору депутата, заметив: "У этих людей, стало быть, совсем нет детей" (43).

23 июня 1789 г. состоялось долгожданное королевское заседание Генеральных штатов. Людовик XVI выступил с речью, в которой ясно высказал стремление положить конец расколу в обществе и достичь компромисса. "Ради общего блага моего королевства, ради себя самого я должен положить конец этим пагубным распрям,- говорил он.- Именно с этой целью, господа, я решил вновь собрать вас; как отец всех моих подданных и как защитник законов моего королевства я должен напомнить об их подлинном духе и пресечь возможные их нарушения". Однако при этом король оттолкнул от себя депутатов третьего сословия, осудив и объявив недействительным принятое ими 17 июня решение провозгласить себя Национальным, а 20 июня- Учредительным собранием. Его речь изобиловала просветительской риторикой и рассуждениями о "благе народа", "счастье нации" и "любви к родине", но намеченная им программа действий большинству депутатов казалась архаичной. Оглашенная на заседании "Декларация намерений короля" признавала за Генеральными штатами право утверждать налоги и займы и контролировать государственные доходы и расходы, но при этом подразумевала сохранение основ старого порядка, абсолютной монархии и сословного строя(44). Теперь все это казалось пройденным этапом. Компромисс на условиях, которые предложил король, был уже невозможен.

Когда в начале июля 1789 г. в Париже началось брожение, Людовик XVI решил уступить и призвал депутатов духовенства и дворянства присоединиться к Учредительному собранию. Председатель дворянского сословия герцог Люксембургский пытался его переубедить, заверяя, что верное дворянство готово умереть за своего короля, не позволив Национальному собранию отнять у него власть. От Людовика XVI последовал очень характерный для него ответ: "Господин герцог, я все обдумал и со своей стороны готов к любым жертвам; но я не хочу, чтобы из-за меня погиб хотя бы один человек" (45). Однако в то же время с одобрения короля к Парижу стали стягиваться войска.

Даже после восстания 14 июля популярность короля все еще была велика. Его появления на публике приветствовались дружными криками:

"Да здравствует король!", и многие, в том числе и депутаты Учредительного собрания, предлагали воздвигнуть ему памятник на площади Бастилии как "восстановителю французской свободы". Во время грандиозного праздника

Федерации 14 июля 1790 г., которым была отмечена годовщина взятия Бастилии, Людовик XVI восседал на троне посреди Марсова поля. Под приветственные возгласы многотысячной толпы он поклялся чтить конституцию. Для большинства французов король все еще оставался живым символом государства и нации.

В революционных перипетиях отчетливее определялись политические принципы Людовика XVI. В его поведении во время революции, как никогда ранее, проявлялась вера в то, что он помазанник Божий и его власть основана на Божественном праве. За свои поступки он был готов-отвечать перед Всевышним, но не перед Учредительным собранием. В нем живо было сознание того, что королевство - это не собственность, которой монарх волен распоряжаться по своему усмотрению, а возложенный на него крест. Он всю жизнь стремился достойно пронести этот крест и править сообразно традициям, по закону и на благо подданных. Законной же, с его точки зрения, во Франции могла быть только абсолютная монархия. Именно такой образ правления он унаследовал от деда и обязан был передать сыну. В октябре 1789 г. он направил королю Испании послание, в котором писал:

"Я обязан перед самим собой, перед своими детьми, своей семьей и всем своим родом не допустить того, чтобы при мне было унижено королевское достоинство моей династии, утвержденное долгой чередой столетий" (46).

стр. 77

События, в гуще которых оказался Людовик XVI, по сложности своей явно превосходили его способности государственного деятеля. Он добросовестно стремился быть хорошим, справедливым и добрым королем, но когда кругом рушились все устои, когда требовалось действовать без промедления и быстро находить неожиданные, нестандартные решения, этот человек либо капитулировал и ждал, когда все само собой образуется, либо делал то, чего делать никак не следовало. Он был неспособен чутко реагировать на быстро меняющуюся ситуацию. Будучи нехаризматической личностью, с трудом выражая свои мысли и эмоции, он не мог привлекать к себе сторонников. В силу хорошо усвоенных с детства уроков он видел себя просвещенным абсолютным монархом; изменить этому амплуа и стать конституционным монархом на английский манер он не мог. Он стремился править легитимно, по закону. Однако именно этому законопослушному государю выпало на долю стать свидетелем и невольным участником ниспровержения основ французской монархии.

Осенью 1789 г. толпа революционно настроенных парижан и парижанок при поддержке национальной гвардии заставила королевскую семью перебраться из Версаля в столицу. Вслед за этими событиями Учредительное собрание постановило изменить официальное титулование Людовика XVI. Отныне он был уже не "король Франции и Наварры", а "Людовик, Божией милостью и силой конституционных законов государства, король французов" (47). Королю ясно дали понять, что его власть зависит не только от воли Божьей, но и от согласия нации в лице ее представителей-депутатов.

Кое-как устроившись в давно запущенном и неудобном дворце Тюиль-ри, Людовик XVI стал вести во всех отношениях приятную ему жизнь отца семейства, много времени уделял воспитанию детей, особенно сына, которого учил истории, географии и языкам. Король "возделывал свой сад", в то время как круто ломалась не только его собственная судьба, но и судьба всей страны. Это относительно спокойное и размеренное существование не могло продолжаться долго.

Еще со времени предреволюционного кризиса его моральные силы были подорваны, и здоровье резко ухудшилось. Он страдал приступами депрессии, мигренями, расстройствами пищеварения, мог неожиданно заснуть в парламенте или на заседании королевского совета на глазах у изумленной публики.

К досаде своих советников и королевы он упрямо уклонялся от решительных действий в ожидании, когда буря уляжется сама собой. Но время работало против него. С началом революции он уже был обречен. Выжидательная позиция, разумная для скромного и незаметного обывателя, не годилась для человека, который по своему положению был у всех на виду и волей-неволей становился знаменем определенной политической партии.

Он стремился к компромиссу, хотел остановить раскол общества. Отвергая и осуждая революцию, он не желал активно бороться с ней и все время шел на уступки. Его подпись стояла под "Декларацией прав человека и гражданина" и другими революционными документами. Заговоры роялистов и попытки организовать бегство королевской семьи оставляли его равнодушным. Его противостояние революции ограничивалось тайной перепиской с французскими политическими эмигрантами и иностранными монархами. Двойственность позиции не помогала ему завоевать доверие и популярность. Она породила недовольство как в революционном, так и в контрреволюционном лагере. Король терял сторонников и наживал себе все новых врагов. Его называли "двуликим Янусом".

Переломным моментом явилась неудавшаяся попытка бегства короля с семьей из Парижа по направлению к восточной границе, где были сосредоточены верные ему войска. Он решился на такой шаг после долгих колебаний. Дело не обошлось без давления со стороны энергичной Марии Антуанетты. Людовик XVI и сам осознавал, что не может оставаться главой революционного государства и подписывать все более и более радикальные декреты Учредительного собрания, разрушавшие вековые устои монархии, попиравшие права церкви, глубоко враждебные его соб-

ственным убеждениям и всему тому, что он считал своим долгом сохранить. Он плохо отдавал себе отчет в том, какова будет реакция подданных на бегство короля. События так называемого Вареннского кризиса окончательно подорвали авторитет монарха в глазах тех участников и сторонников революции, которые еще надеялись на возможный компромисс с ним. Неудачное бегство стало сюжетом многочисленных карикатур и привело к полной дискредитации Людовика XVI в общественном мнении. До свержения монархии оставался еще год, но

республиканская идея уже овладела умами (48).

После лета 1791 г., жизнь Людовика XVI представляла собой непрерывную цепь унижений. В сентябре ему пришлось принять конституцию, выработанную Учредительным собранием. Конституция оставляла за королем широкие полномочия, особенно в области внешней политики, но с монархией Божественного права было покончено. Король становился главой исполнительной власти, которая вверена ему нацией. Людовик XVI ясно видел, что этот текст не имеет ничего; .общего с традициями французской монархии, но вынужден был его одобрить. Затем ему предстояло, стоя с непокрытой головой, принести присягу на верность этой конституции перед сидящими, не снимая шляп, депутатами Учредительного собрания.

Вступление Франции в войну против европейских держав весной 1792 г. еще сильнее накалило страсти. В адрес Людовика XVI все громче звучали обвинения в связях с врагами французского народа и в предательстве национальных интересов. У него уже не было шансов не только сохранить остатки власти", но и хотя бы физически уцелеть. 10 августа в Париже произошло народное восстание. Королевский дворец Тюильри был взят штурмом и монархия низвергнута. Законодательное собрание, созванное на основании конституции 1791 г., приняло декрет, лишивший Людовика XVI власти. В сентябре 1792 г. только что собравшийся Национальный конвент одним из первых своих декретов постановил упразднить монархию. Однако король от престола не отрекался. Во Франции существовал строго установленный порядок престолонаследия: король не имел права распоряжаться короной, отречься от нее или назначать наследника. Таковы были фундаментальные законы французской монархии, и Людовик XVI их не нарушил.

По решению Коммуны Парижа король с семьей - королевой, двумя детьми и сестрой Елизаветой - были заточены в крепость Тампл, которую в то время занимал хранитель архива Мальтийского ордена. Поначалу члены королевской семьи могли общаться друг с другом. Людовик много внимания уделял детям, давал сыну уроки географии, разучивал с ним наизусть отрывки из пьес Корнеля и Расина, читал и размышлял. За время заточения в Тампле он прочел 250 книг. Это были описания путешествий, театральные пьесы, труды Монтескье и естествоиспытателя Ж. Л. Бюффона, сочинения Торквато Тассо на итальянском языке, "Британская история" Д. Юма на английском, "Подражание Христу" Фомы Кемпийского на латыни. По несколько часов в день он обычно посвящал чтению древнеримских авторов (49).

Стражники обращались с королем грубо, не снимали шляпы в его присутствии, часовые не отдавали ему честь. Он был лишен возможности пригласить священника для совершения богослужений и сам ежедневно читал по требнику тексты церковных служб. В конце сентября по решению Коммуны Парижа королевскую семью лишили права пользоваться чернилами, перьями и бумагой. В начале декабря у заключенных отобрали все острые и режущие предметы: ножи, бритвы, ножницы и даже зубочистки.

Конвент постановил начать судебный процесс против низложенного короля, которого революционеры стали именовать Луи Капетом. Одни депутаты осуждали его, исходя из общих принципов. Сен-Жюст, например, заявлял о том, что королевская власть сама по себе есть преступление и нельзя царствовать, не будучи

виновным. "Людовик XVI должен быть наказан, вторил ему Робеспьер, иначе Французская республика есть химера". По мнению Робеспьера, оправдать короля означало бы осудить революцию. Другие ставили королю в вину конкретные преступления: попытки разогнать Национальное собрание в июне 1789 г., применение военной силы

стр. 79

против народа в июле 1789, 17 июля 1791 и 10 августа 1792г., связи с эмигрантами и содействие вторжению интервентов на территорию Франции, использование денег гражданского листа для оплаты контрреволюционеров и т. д. (50). Положение короля стало совершенно безнадежным после того, как в ноябре был обнаружен печально знаменитый "железный шкаф" с компрометирующими документами. Они доказывали, что Людовик XVI поддерживал отношения с эмигрантами, вел тайные переговоры с иностранными монархами, замыслил и осуществлял подкуп революционных лидеров умеренного толка. В сейфе, в частности, содержалась переписка короля с Мирабо, из которой явствовало, что пламенный оратор революции втайне служил королю.

Наступил день, когда король должен был лично предстать перед судом Конвента. В связи с этим депутаты приняли решение разлучить его с семьей. Круг одиночества, охватывавший Людовика XVI на протяжении всей жизни, сузился до размеров комнаты в башне Тампля, которая стала его тюрьмой. Он обратился к Конвенту за разъяснениями, почему и на какой срок его лишили общения с близкими людьми. В официальном ответе говорилось, что на время процесса королю запрещено встречаться с королевой и с сестрой; детей же он, если пожелает, может держать при себе, но в таком случае им нельзя будет видеться с матерью и теткой до окончания суда. Людовик XVI вынужден был отказаться от общения с детьми, решив, что им необходимо остаться с матерью.

Исход процесса королю был совершенно ясен и мало его волновал. Вечером после первого допроса в Конvente, раздеваясь перед сном, он сказал своему камердинеру Клери: "В мыслях я был так далек от всех тех вопросов, что мне задавали". Все обвинения он хладнокровно отвергал. По всему было видно, что он уже отрешился от мирской суеты; понимая, что обречен, он решил посвятить остаток земных дней заботам о спасении души. Однажды ему в руки попал старый номер газеты "Mercure de France" с загадкой-логогрифом, которую он предложил разгадать своему камердинеру. Тот никак не мог понять, что за слово там скрывалось. "Как, разве вы не можете его найти? - воскликнул король. - Между прочим, оно мне сейчас очень подходит. Это слово жертва" (51). Итак, слово было найдено. Он обрел высший смысл своей жизни не в том, чтобы хорошо управлять страной, а в том, чтобы отдать себя на закание во искупление грехов. Традиционное для королевской идеологии уподобление государя Христу, проявлявшееся в формуле "Rex imago Dei" и в обычае исцелять больных прикосновением руки, находило свое завершение в акте мученической смерти монарха на эшафоте. Перед смертью он ясно увидел, куда ведет его крестный путь, и прошел его достойно. Теперь он уже не колебался.

На рождество он передал адвокату текст завещания, в котором в последний раз

изложил свое политическое кредо и подтвердил приверженность законам и традициям французской монархии. Король каялся в том, что против воли вынужден был поставить подпись под декретами, наносящими вред католической церкви. Он прощал всех своих врагов и наказывал сыну, "если ему выпадет несчастье стать королем", не мстить за отца и "посвятить себя всецело счастьем своих сограждан". "Пусть он помнит,- наставлял король дофина,- что счастье народу можно принести, только если править по закону. Но в то же время, король должен иметь власть, необходимую для того, чтобы заставить уважать законы и от всего сердца творить добро. Иначе же, будучи стеснен в своих поступках и не внушая никакого уважения, он принесет более вреда, нежели пользы" (52).

15-19 января 1793 г. небольшим большинством голосов (387 против 362) Национальный конвент объявил "Луи Капета, последнего короля французов виновным в заговоре против свободы нации и в покушениях на общую безопасность государства" (53) и приговорил его к смертной казни. Это известие король встретил мужественно. Казалось, Людовика больше заботил не вынесенный ему смертный приговор, а потрясение и скорбь адвоката Мальзерба. Король долго обнимал и успокаивал своего защитника. Затем он послал камердинера в библиотеку за томом Британской истории с описанием казни Карла I и читал эту книгу все следующие дни.

стр. 80

Стражники надзирали за королем постоянно, день и ночь. Людовик обратился в Генеральный совет Коммуны Парижа с жалобой. "Надо понимать, - писал он, - что в моем нынешнем положении мне крайне тягостно не иметь возможности побыть одному и спокойно собраться с мыслями" (54). Однако слезка не прекратилась.

И друзья и недруги были потрясены его самообладанием в день казни. Накануне вечером ему разрешили проститься с семьей. Затем он долго беседовал со своим духовником, аббатом Эджевортон де Фирмоном. В два часа ночи он быстро заснул глубоким сном праведника и беспробудно проспал до пяти часов утра. Утром аббат де Фирмой отслужил мессу, и король причастился. Он отдал камердинеру Клери свою печать, обручальное кольцо и другие личные вещи, оставив на руке только перстень - символ королевской власти,- надетый ему архиепископом Реймским во время коронации. Его не испугал вид гильотины. Возмущение короля вызвало лишь намерение палачей связать ему руки. Он поначалу сопротивлялся такому унижению, но духовник убедил его уступить, сказав, что таким образом он сделает еще один шаг на пути, указанном страдающим Господом.

Поднявшись на эшафот, Людовик твердым голосом крикнул окружавшей толпе: "Я умираю невинным, я прощаю своих врагов и молю, чтобы моя кровь пролилась на пользу народу Франции и утолила Божий гнев!" Последние его слова заглушила барабанная дробь. В 10 часов 10 минут голова короля скатилась с плахи под крики: "Да здравствует республика!" (55). Умер добрый, достойный и нерешительный человек, не сумевший управлять страной и вывести ее из кризиса. С его смертью сошла с исторической сцены монархия Божественного права, французские короли XIX в. были уже конституционными монархами. Противоречие между верностью

традициям и жадой обновления для Людовика XVI оказалось неразрешимым и гибельным.

В ответ на казнь короля британское правительство предписало французскому послу покинуть пределы страны. Великобритания, Испания и Неаполитанское королевство присоединились к антифранцузской коалиции. Екатерина II издала указ об изгнании из России всех французских подданных; желавшие остаться должны были публично принести присягу, в которой осуждалось существующее во Франции правление, казнь короля провозглашалась изменой и злодейством и давалось обязательство прервать всякие сношения с соотечественниками, оставшимися на родине.

Супруга и сестра короля вскоре должны были разделить его судьбу. В октябре 1793 г. по приговору революционного трибунала казнили Марию Антуанетту, а в 1794 г. на эшафот взшла принцесса Елизавета. После казни Людовика XVI монархисты признали юного дофина королем Людовиком XVII. В соответствии с решением Коммуны Парижа его еще при жизни Марии Антуанетты отобрали у матери, с тем чтобы мальчик получил воспитание "в республиканском духе". Согласно наиболее распространенной версии ребенок умер в Тампле в 1795 г., однако ее нельзя считать вполне убедительной, и "загадка Людовика XVII" до сих пор остается неразгаданной (56). Лишь дочь короля Мария Тереза, будущая герцогиня Ангулемская выйдет из темницы целой и невредимой и переживет все революционные бури.

Тела казненных короля и королевы бросили в общую могилу в слой негашеной извести (в 1816-1821 гг. на этом месте была воздвигнута Искупительная часовня). В самом начале Реставрации бывший граф Прованский, ставший королем Людовиком XVIII, повелел разыскать останки брата и невестки и перенести их в королевскую усыпальницу собор Сен- Дени, где они покоятся по сей день (впрочем, у нас нет полной уверенности в том, что были найдены и погребены в Сен-Дени подлинные останки Людовика XVI).

Примечания

1. MONTBAREY A.- M.-E. Memoires du prince de Montbarey. 3 vols. P. 1826- 1827. Vol. 3, p. 104-105.

стр. 81

2. Об образовании и воспитании Людовика XVI см., напр.: GIRAULT DE COURSAC P. L'education d'un roi: Louis XVI. P. 1972; MOUSNIER R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. T. 2. P. 1974, p. 25-26; HARDMAN J. Louis XVI. New Haven - London. 1993, p.17-26.

3. HUE F. Dernieres annees du regne et de la vie de Louis XVI. P. 1860, p. 423.

4. Mane-Antoinette: Correspondance secrete entre Marie-Terese et le comte de Mercy-

Argenteau. 2nd ed. 3 vols. T. 2. P. 1875, p. Ю.

5. См., напр., ФОР Э. Опала Тюрго 12 мая 1776г. М. 1979, с. 62-67. Другой автор интерпретирует увлечение Людовика XVI изготовлением замков и ключей как проявление затаенного комплекса вины, возникшего вследствие того, что он - слабый и недостойный - занял место своего одаренного и всеми обожаемого брата (LEVER E. Louis XVI. P. 1985, p. 277-278).

6. Journal de Louis XVI. Publ. par L. Nicolardot. P. 1873.

7. FAY B. Louis XVI, ou la fin d'un monde. P. 1966, p. 64.

8. Oeuvres de Louis XVI. V. 1. P. 1864; о политических взглядах Людовика XVI см.: VIGUERIE J. de. Les idées politiques de Louis XVI. - Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1983.

9. GRUBER A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Geneve. 1972, p.115-132.

10. О дискредитации короля в памфлетах и карикатурах конца старого порядка см.: DE BAECQUE A. Le corps de l'histoire: Métaphores et politique (1770-1800). P. 1993, p. 64-76.

11. Донесения графа Аранды содержат массу физиологических подробностей. Они были настолько откровенны, что Ж. Фламермон, подготовивший издание писем иностранных дипломатов из Франции конца старого порядка, не решился перевести их на французский язык и опубликовал только по-испански (Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Revolution. P. 1896, p. 476-477).

12. Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits. Publ. par F.

Feuillet de Conches. T. 1. P. 1864, p. 108. 13- Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. T. 1- 36. A Londres. 1780-1789. T. 18, p. 112.

14. THOMAS Ch. La reine scelerate: Marie-Antoinette dans les pamphlets. P. 1989, p. 57-65.

15. HARDY S. P. Mes loisirs, ou Journal d'Événements tels qu'ils parviennent à ma connaissance. Bibliothèque Nationale. Ms. fr. 6681 (mf. 2567) (микрофильм рукописи), p. 342.

16. Voltaire en son temps. Sous la dir. de René Pomeau. V. 1-5. Oxford. 1988- 1994. V. 5. p. 101.

17. MONTBAREY A.-M.-E. Op. cit. V. 2, p. 90-91.
18. Цит. по: LEVER E. Op. cit., p. 98.
19. HARDMAN J. Op. cit., p. 42.
20. La correspondance politique secrete. - Cahiers Louis XVI. 1992, N 6, p. 8.
21. Цит. по: LEVER E. Op. cil., p. 392.
22. Correspondance secrete du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz. 2 vols. P. 1889-1891. V. 1, p. 315, 384-385, 404, 436.
23. HARDY S. P. Mes loisirs, ou Journal d'evenements, tels qu'ils parviennent a ma connoissance. - Bibliotheque Nationale. Ms fr. 6681, p. 343.
24. Описание церемонии см.: Le Sacre et couronnement de Louis XVI, roi de France et de Navarre, dans l'eglise de Reims, le 11 Juin 1775. P. 1989; CROY E. de. Journal inedit du due de Croy. 4 vols. P. 1906-1907. V. 3, p. 176.
25. VERI J.-A. Journal de l'abbe de Veri. 2 vols. P. 1928-1930. V. 1, p. 97-98, 109, 242.
26. Louis XVI, Mane-Antoinette et madame Elisabeth. T. 1, 94.
27. О деятельности Людовика XVI по руководству внешней политикой и его взаимоотношениях с Верженном см.: CHAMBRUN Ch. A l'ecole d'un diplomate: Vergennes. P. 1946;
- LABOURDETTE J.-F. Vergennes. P. 1990; PRICE M. Preserving the Monarchy: The Comte de Vergennes. N. Y. 1995.
28. GALLOUEDEC-GENUYS F. La conception du prince dans l'oeuvre de Fenelon. P. 1963, p. 235 283; Le Sacre et couronnement de Louis XVI, p. 51- 52; HARDMAN J. Op. cit., p. 93.
29. HARDMAN J. Op. cit., p. 93.
30. VERI J.-A. Op. cit., V. 2, p. 47.
31. Opinion de Thomas Payne, sur l'affaire de Louis Capet, adressee au president de la Convention Nationale. P. 1792.
32. Цит. по: TOCQUEVILLE A. Coup d'oeil sur le regne de Louis XVI. P. 1952, p. 144.
33. Memoires secrets pous servir a l'histoire de la republique des lettres en France, V. 32,

-
34. HARDY S. P. Op. cit. - Biliotheque nationale. Ms. fr. 6681 (mf. 2567), p. 408- 410.
35. Voltaire en son temprs, v. 5, p. 101.
36. Реформа Мопу проводилась в последние годы царствования Людовика XV и состояла в упразднении прежних парламентов и замене их судебными палатами с ограниченными полномочиями, без права контроля над законодательством. При этом отменялась продажа должностей парламентской магистратуры.
37. ALLONVILLE A. F. comte d'. Memoires secrets de 1770 a 1830. V. 1-2. Bruxelles-Leipzig, 1838. V. 1, p. 32-33.
38. Цит. по: WHITE E. N. Was there a Solution to the Anden Regime's Financial Dilemma? - Journal of Economie History, 1989, N 49, p. 546.
39. Современные исследователи придают исключительно важное значение реформам Неккера, усматривая в них последний нереализованный шанс избежать финансового краха французской монархии в 1788-1789 годы. См.: BOSHER J. F. French Finances, 1770-1795: from Business to Bureaucracy. Cambridge. 1970; HARRIS R. D. Necker, Reform Statesman of the Ancient Regime. Berkeley. 1979; WHITE E. N. Op. cit.
40. HARDMAN C. Op. cit., p. 70.
41. Об этом, в частности, пишет в мемуарах генерал-лейтенант парижской полиции Ленуар. См.: DARNTON R. The Memoirs of Lenoir, Lieutenant de Police of Paris, 1774-1785.- The English Historical Review, 1970, N 336, p. 543.
42. LEVER E. Op. cit., 442.
43. TOCQUEVILLE A. Op. cit., p. 361.
44. Archives parlementaires de 1787 a 1860. 1-ere serie. P. 1868-1879. T. 8, p. 143, 144-145.
45. TOCQUEVILLE A. Op. cit.. p. 390.
46. MOUSSET A. Un temoin ignore de la Revolution, Ie comte de Fernan Nunez. P. 1924, p. 228.

47. Archives parlementaires de 1787 a 1860. Serie 1. T. 9, p. 383-385, 411.
48. См.: DUPRAT A Le roi decapite: Essai sur les imaginaires politiques. P. 1992.
49. Эти и другие подробности жизни короля в Тампле известны из дневника его камердинера. См.: CLERY J. B. Journal de ce qui s'est passe a la tour du Temple pendant la captivite de Louis XVI, Roi de France. Londres. 1798, p. 96- -97, 203.
50. О процессе короля см.: Le Pour et le Centre: Recueil complet des opinions prononcees a l' Assemblée Conventionnelle, dans le Proces de Louis XVI; on y a joint toutes les Pieces authentiques de la Procedure. T. 1-7. P. 1793; ЖОРЕС Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 5. М. 1983, с. 7- 139; Le proces de Louis XVI. Presente par A. Soboul. P. 1966; GIRAULT de COURSAC P. et al. La defense de Louis XVI, par Malesherbes, Tronchet et Deseze precedee du proces-verbal de l'interrogatoire du roi. P. 1993.
51. CLERY J. B. Op. cit., p. 152-153, 159-160, 203.
52. Le Sacre et couronnement de Louis XVI; supplement, p. 30-31.
53. Decret de mort de Louis Capet: Extrait des proces-verbaux de la Convention nationale, des 15,16, 17, 19 et 20 Janvier 1793, l'an II de la Republique Francaise.- Le Pour et le Centre. T. 7, p. 398.
54. CLERY J. B. Op. cit., p. 206-207.
55. Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Revolutions de Paris. N185, 19-27 janvier 1793). - Le proces de Louis XVI, p. 231-233.
56. БОВЫКИН Д. Ю. Людовик XVII: жизнь и легенда.- Новая и новейшая история, 1995, N 4.